

И. С. Тургенев

<Воспоминания о Н. В. Станкевиче>

И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах
 Сочинения в двенадцати томах
Издание второе, исправленное и дополненное
 М., "Наука", 1980
 Сочинения. Том пятый.
 Повести и рассказы 1853--1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855--1859
[OCR Бычков М. Н.](#)

Меня познакомил с Станкевичем в Берлине Грановский -- в 1838-м году, в конце. До того времени я слышал о нем мало. Помню я, что когда Грановский упомянул о приезде Станкевича в Берлин, я спросил его -- не "виришплет" ли это Станкевич,-- и Грановский, смеясь, представил мне его под именем "виришплета". В течение зимы я довольно часто видался с Станкевичем -- но не помню, чтоб мы вместе ходили на лекции: он брал *privatissima* {самым частным образом (*лат.*).} у Вердера -- а в университет не ходил. Станкевич не очень-то меня жаловал -- и гораздо больше знал с Грановским и Неверовым. Я очень скоро почувствовал к нему уважение и нечто вроде боязни, проистекавшей, впрочем, не от его обхождения со мною, которое было весьма ласково, как со всеми, но от внутреннего сознания собственной недостойности и лживости. Станкевич жил в то время один -- но у него с утра до вечера гостила одна девица, по имени Берта, недурная собой и неглупая; она в последствии времени очень плохо кончила, сошлась с Ефремовым и была выслана из Берлина, чуть ли не за кражу. Она была довольно остра и забавна по-берлински. Помню я одну ее остроту, переданную Станкевичем: у ней была сестра, которой пришлось раз ночевать у Станкевича,-- Берта объявила, что она не хочет, чтобы на эту ночь была "allgemeine Pressfreiheit" {"полная свобода печати" (*нем.*).}, хотя она и либералка. Станкевич любил женский пол, но в душе был целомудрен -- особенно если сравнить его с нынешней *soi-disant* {так называемой (*франц.*).} молодежью. Здоровье его уже тогда было плохо -- мы знали все, что он страдает грудью, и к нему ездил д-р Баре (Barez), который обращался с ним очень дружелюбно. (Он был тогда первым врачом в Берлине.) Впрочем, Станкевич много выходил и театр посещал часто, особенно немецкую оперу. Тогда соперничали две певицы: Лёве и Фассманн -- признаться сказать, обе довольно плохие. Грановский был поклонником Лёве, высокой и красивой брюнетки, Станкевич предпочитал Фассманн, блондинку. Любимцами Станкевича были два комика: Герн и Бекманн. Герн был карикатурист вроде Живокини; у Бекманна было много неподдельного, спокойного юмору. В характере Станкевича было много веселости, и он любил посмеяться. Чаще всего встречал я его у Фроловых. Он почти все вечера проводил у них. Между им и г-жой Фроловой существовало отношение весьма дружественное. Эта г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замечательная. Уже немолодая, с здоровьем совершенно расстроенным (она скоро потом умерла), некрасивая -- она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством -- *mettre les gens à leur aise* {вызывать у людей ощущение непринужденности (*франц.*).}, сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало -- она скорее походила на очень умную француженку -- *un peu de l'ancien régime* {немножко старорежимную (*франц.*).}. Стефания Баденская считала ее в числе своих приятельниц -- Беттина часто ходила к ней, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с Беттиной *un peu de haut en bas* {немножко свысока (*франц.*).}. Вердер бывал у ней часто -- Гумбольдт посещал ее иногда. Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать. Фролов сам никогда не вмешивался в разговор -- сидел в углу, разливал чай, значительно мычал, поводил глазами, подергивал усы -- но не раскрывал рта. Станкевича Фролова очень любила и уважала. Она сходилась с ним в мнениях. Впрочем, я не слышал, чтобы она с ним говорила о философии. Это было дело Вердера, который разговаривать не умел. Раз, по уходе Вердера, я не мог удержаться и воскликнул: "В первый раз слышу человека!" -- "Да,-- заметила Фролова,-- жаль только, что он с одним собой знаком". Фарнгаген (известный биограф) ходил к Фроловым -- он любил выводить на свежую воду Беттину, которая его терпеть не могла и называла его Giftesel {ядовитый осел (*нем.*).}.